

Борьба с германским шпионажем на Дальнем Востоке во время Первой мировой войны: российско-японское сотрудничество

Ярослав Александрович Шулатов,

кандидат исторических наук, Ph. D. Law, преподаватель факультета международных исследований Хиросимского муниципального университета, Хиросима.
E-mail: slavutich@hotmail.com

В статье на основе обширного пласта неопубликованных документов из российских и японских архивов впервые проанализирован опыт российско-японского сотрудничества в противодействии германскому шпионажу на Дальнем Востоке во время Первой мировой войны. Рассмотрены позиция Приамурского генерал-губернаторства, переговоры и взаимодействие между военными и дипломатическими представителями России и Японии в борьбе с германским влиянием в Китае. Доказывается, что сотрудничество Петербурга и Токио стало ещё одним наглядным примером стремительного улучшения российско-японских отношений после войны 1904—1905 гг.

Ключевые слова: Первая мировая война, российско-японские отношения, Маньчжурия, шпионаж, шпиономания.

Fighting with the German espionage in the Far East during World War I: Russian-Japanese cooperation.

Yaroslav Shulатов, Cand. Sc. (History), Ph.D. Law, lecturer at the Faculty of International Studies, Hiroshima City University, Hiroshima.

On the basis of an extensive reservoir of unpublished documents from Russian and Japanese archives the experience of Russian-Japanese cooperation in countering German espionage in the Far East during the First World War is analyzed for the first time. The position of Priamurye Governor-Generalship, negotiations and cooperation between military and diplomatic representatives of Russia and Japan in the fight against the German influence in China are considered. It is proved that the cooperation of St. Petersburg and Tokyo was another clear example of the rapid improvement in Russian-Japanese relations after the war of 1904—1905.

Keywords: World War I, the Russo-Japanese relations, Manchuria, espionage, spy mania.

Дальневосточный театр Первой мировой войны справедливо относят к второстепенным по многим показателям: количеству участвовавших войск, масштабам сражений и задействованных сил и т.д. Однако даже после падения Циндао и ликвидации германской Восточноазиатской эскадры в конце 1914 г. среди руководства Приамурского края, а также

российских военных и дипломатов в Китае и Японии сохранилась напряжённость, вызванная германскими интригами в Китае и угрозой диверсий против КВЖД и других объектов инфраструктуры, в том числе и на территории дальневосточной окраины России. Активность Германии, строящей широкую разведывательную сеть в регионе и пытавшейся задействовать при этом местное население (китайцы, корейцы, монголы, вооружённые формирования хунхузов), также беспокоила представителей российских властей. Следовательно, борьба с германским шпионажем в Китае имела чрезвычайно важное значение не только для безопасности Дальнего Востока России, но и для военных поставок на европейском фронте для русской армии. Кроме того, со вступлением в войну Турции и Болгарии Россия оказалась отрезанной от союзников на западе и Владивосток превратился в один из основных портов, через который по КВЖД шли поставки вооружений и обмундирования из США, Японии и других стран. Это обусловило повышенное внимание к деятельности Германии в Китае со стороны не только Приамурского генерал-губернаторства, военных и дипломатов соседних стран, но и высшей власти Петербурга, включая Николая II.

До настоящего времени не было попыток исследовать опыт сотрудничества России и Японии по противодействию германским интригам в Китае во время Первой мировой войны на основе обширной источниковой базы. Главной задачей данной статьи стал комплексный анализ русско-японского взаимодействия. Рассмотрены переговоры между военными и дипломатическими представителями России и Японии, позиция Приамурского генерал-губернаторства, а также конкретные примеры взаимодействия военных и дипломатов обеих стран в борьбе со шпионско-диверсионной деятельностью Германии в отношении российских интересов в регионе, в т. ч. против КВЖД, для чего были использованы неопубликованные документы из российских и японских архивов.

Дальний Восток России оказался вдали от основных битв Первой мировой войны, однако опасности военного времени сразу дали о себе знать. Стремительное начало войны стало неожиданным для дальневосточников. Уже в ночь на 2 августа 1914 г. германский крейсер «Эмден» захватил недалеко от северной оконечности о-ва Цусима пароход «Рязань», который стал первой добычей кайзеровского флота в войне, а военный губернатор Приморской области генерал-лейтенант А.Д. Сташевский сообщил в Хабаровск, что «германский броненосец „Гнейзенау“ пошёл [на] Камчатку», в результате чего на некоторое время пароходное сообщение с полуостровом оказалось прерванным. Власти Петропавловска эвакуировали из города казну и казённое имущество и приготовились к отражению немецкого десанта [4; 5; 8].

На Дальнем Востоке России сразу же стали пристально следить за возможными происками германской разведки в регионе. Поступали сведения о немецких шпионах, планировавших различные акции, направленные на разрушение инфраструктуры региона, железных дорог, мостов

и пр. В связи с этим дальневосточные военные уделяли особое внимание любым сообщениям об активности «германских агентов» в регионе, особенно среди местных жителей, тем более что данные об опасности диверсий поступали в штаб Приамурского военного округа (ПВО) постоянно на протяжении почти всей войны.

С первых дней войны российские дипломаты и военные внимательно следили за тем, какую позицию в отношении воюющих держав займёт японское правительство. 23 (10) августа 1914 г., не дождавшись ответа на свой ультиматум, Япония объявила Германии войну, де-факто став союзником России, сражавшимся против общего врага. Во многом из-за этого обстоятельства российские власти приняли в конце сентября 1914 г. решение об отправке на европейский театр регулярных и казачьих войск ПВО. Такая переброска с Дальнего Востока происходила неоднократно на протяжении войны, что обусловило снижение боеспособности ПВО и, как следствие, повышенное внимание властей к вопросам безопасности. В сложившихся условиях Япония имела крайне важное значение для обеспечения безопасности дальневосточной окраины России как в сфере морского судоходства, так и при охране сухопутной границы, особенно в условиях непростых отношений с Китаем.

Администрация Приамурского края приняла решительные меры по налаживанию контроля за потенциальными агентами врага. Согласно сообщению генерал-губернатора Н.Л. Гондатти председателю Совета Министров И.Л. Горемыкину, местными властями сразу были проведены мероприятия «по спешной регистрации проживаемых в пределах края подданных враждебных нам стран» для последующей депортации, и «высылка отсюда германцев и австрийцев большими партиями вскоре была закончена» [3]. Как видно, данные меры затронули, в первую очередь, подданных Германской и Австро-Венгерской империй, в т.ч. ряд известных в Приамурье персон¹. В результате политики Приамурского генерал-губернаторства по борьбе с «немецким засильем» деятельности компаний с германским капиталом и сотрудниками-немцами был нанесён значительный ущерб [12, с. 23—38].

Вместе с тем искоренение германского влияния в экономической жизни края не снижало опасения местных властей относительно безопасности дальневосточной окраины. Особое внимание военных занимала возможность организации нападений на российскую территорию из Китая при помощи банд хунхузов. На протяжении многих лет хунхузы представляли реальную опасность для дальневосточных рубежей, особенно приграничных сёл. Регулярные набеги, убийства и акты саботажа со стороны бандитов являлись постоянной «головной болью» местных властей, для борьбы с хунхузами организовывались регулярные

¹ Среди получивших широкий резонанс стали расследования в отношении местных отделений компании «Зингер» и торгового дома «Кунст и Альберс», завершившиеся, как известно, высылкой сотрудников и арестом одного из совладельцев последнего — Адольфа Даттана.

рейды в приграничные районы. В борьбе против них принимал активное участие и штаб-офицер при приамурском генерал-губернаторе — известный исследователь и путешественник В.К. Арсеньев [7]. Ряд военных указывал на данные о снабжении банд со стороны иностранных государств (до 1914 г. чаще всего в этом качестве упоминалась Япония). Так, в 1912 г. начальник штаба Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи указывал: «Японцы доставляют хунхузам оружие, оказывают поддержку, признавая выгодным для себя брожение в крае» [14]. Несложно предположить, что с началом мировой войны российские военные опасались использования банд теперь уже со стороны Германии.

Особую опасность в этом плане представляла уязвимость главной транспортной артерии, связывавшей дальневосточную окраину с европейской частью России — КВЖД, которая проходила по территории Китая. Помимо этого власти Приамурья имели основания опасаться нападений банд хунхузов на приграничные поселения. С конца 1914 г. российские представители в Китае стали получать сведения об опасности диверсий на объектах КВЖД со стороны хунхузов, руководимых немецкими агентами, а к концу февраля 1915 г. информация о подготовке нападений хунхузов на приграничную территорию достигла и штаба ПВО. Так, 7 марта (22 февраля) 1915 г. начальник штаба сообщил в канцелярию приамурского генерал-губернатора, что «в последнее время в русско-корейских селениях, находящихся на границе Китая, появились корейцы, занимающиеся скупкой у крестьян бердан, винтовок, револьверов и патронов, платящих за них довольно большие деньги. Названные корейцы являются лицами, командированными главарями хунхузских шаек, находящихся в Сан-ча-гоу», а деньги на покупку оружия и припасов «даются каким-то немцем», который якобы находился в том же населённом пункте [10]. В конце июля 1915 г. штаб ПВО отмечал, что среди проживающих в Никольске-Уссурийском китайцев стали циркулировать слухи о подготовке нападения на город со стороны Санчагоу отряда хунхузов около 2500 чел. под руководством германских офицеров с целью освобождения находившихся в Приамурском крае военнопленных [11]. Одновременно с этим пограничный комиссар полковник Кузьмин докладывал в канцелярию генерал-губернатора, что «как в районе, так и в самом гор. Санчагоу даже китайскими властями не отрицается присутствие хунхузов», подчеркнув при этом, что сведений о европейцах не было, но якобы три германца вышли на север из Куанченцзы «с агитационной целью, организуя... хунхузские шайки» [15].

Встревоженные сообщениями о немецких интригах по организации банд хунхузов, российские власти обратились за помощью к Японии, которая обладала широкой сетью агентов в Маньчжурии. 25 декабря 1914 г. посланник в Пекине В.Н. Крупенский сообщил своему японскому коллеге Хиоки Эки сведения о том, что Германия занималась «подстрекательством» хунхузов в Маньчжурии и Монголии с целью организации мятежей и беспорядков в приграничных районах Сибири, а также планировала

провести диверсии на КВЖД и операции по освобождению германских пленных на российской территории [45]. Японская сторона серьёзно отнеслась к этому сообщению. МИД отправил копию донесения в Военное министерство и инициировал масштабную проверку сведений, дав соответствующие указания своим дипломатам в регионе.

Информация приходила почти от всех японских представительств в Маньчжурии — сообщения были получены от консульских учреждений в Мукдене, Аньдуне, Ляонине, Чанчуне, Гирине, Телине, Тяньцзине и Харбине, а также канцелярии Квантунского генерал-губернатора в Рёдзюне (Порт-Артур). Кроме того, данным вопросом активно занимались сотрудники японской миссии в Пекине, в т.ч. сам посланник Хиоки и военный агент в Китае генерал-майор Матида Кэйю. Вместе с тем с самого начала японские представители на местах не подтверждали опасений, высказанных российской стороной.

Одним из первых на запрос МИД отреагировал Ёсида Сигэру, консул в Аньдуне, где компактно проживало корейское население. Уже 26 декабря Ёсида категорично заявил, что на территории его консульского округа следов подобной деятельности германцев не обнаружено. Ему вторил консул в Инкоу Ота Кихэй, который рассмотрел положение дел с хунхузами на территории своего округа и написал 6 января 1915 г. Като Такааки, что «признаков, указанных в Вашей телеграмме, нет». Другие дипломаты подтверждали наличие слухов о «германских интригах на сибирской железной дороге» или «о немецких планах разрушить» пути, но утверждали, что конкретных сведений не обнаружили. Японские представители также отвергали наличие политической составляющей в действиях хунхузов. Консул в Гирине Морита Кандзо в телеграмме от 15 января 1915 г. писал Като Такааки, что на сегодняшний день нет никакой информации касательно политической окраски появления и исчезновения хунхузов. Несколько ранее, 12 января, аналогичное донесение было отправлено на имя японского посланника в Пекине Хиоки Эки от чиновника консульства в Телине Сако Сюити², который отказывался связывать деятельность хунхузов с какой-либо «политической группировкой», считая, что они занимаются «не более, чем обычным грабежом» [24; 41 и др.].

Постепенно в донесениях стала появляться более подробная информация. Так, 16 января консул в Чанчуне Ямаути Сиро сообщил, что, согласно сведениям китайцев, «немец Мур... ранее живший в Циндао и после начала [войны] переехавший в Дайрэн, совершал поездки в Мукден и поддерживал контакты с местными китайцами» и даже отправил двух выпускников монгольской языковой академии в Мукдене налаживать контакты с хунхузами. Вскоре поступили новые сведения от российской стороны. 2 февраля посланник в Пекине Крупенский сделал запрос Хиоки относительно некоего Вильгельма Мура (Wilhelm Moore), якобы останавливавшегося в Дайрэне в гостинице «Ямато», информируя о том, что

² В 1925 г. он стал первым секретарём японского посольства в СССР.

Мур «имеет офис в Куанченцзы, пользуется услугами двух корейцев», которые пытались создать «под его командой общественное мнение, неблагоприятное для Японии». Также сообщалось, что Мур «не только публикует газету, критикуя русско-японские позиции в Маньчжурии», но планирует «разрушение КВЖД» при помощи хунхузов. Японским представителям была направлена телеграмма от русского консула в Чанчуне, который просил организовать расследование в отношении Мура и допросить его. Очевидно, что данные российских и японских источников указывали на одно лицо, однако дополнительная проверка с японской стороны не подтвердила эти сведения. 11 февраля генерал-губернатор Квантунской области Накамура Сатору сообщил Като Такааки, что одно время в Чанчуне ходили слухи об использовании хунхузов для разрушения КВЖД, но «достоверных фактов пока обнаружить не удалось», как и нельзя было подтвердить информацию об офисе Мура в Куанченцзы и издании им газеты. На следующий день телеграмму практически такого же содержания прислал в Токио и консул в Чанчуне Ямаути, сославшийся на главу полицейского отделения при консульстве, тем самым фактически дезавуировав своё предыдущее сообщение о Муре. Впрочем, японская сторона не отказывалась от дальнейших действий — в обоих сообщениях указывалось, что «тщательная проверка продолжается» [37; 49 и др.].

Несмотря на категорическое отрицание японскими представителями опасности нападения хунхузов и вероятности диверсии на КВЖД, у российской стороны были серьёзные основания для подобных опасений. В частности, широкую огласку, в т.ч. в мировой прессе, получил так называемый инцидент с военным агентом Германии в Китае капитаном Генштаба Рабе фон Паппенгеймом, который отправился на северо-восток Китая якобы на охоту, однако настоящей целью являлись именно диверсии на КВЖД. Примечательно, что в действительности в состав экспедиции входили не только немцы, но и китайцы, а планы Паппенгейма выходили далеко за рамки одной диверсии — германский военный агент ехал договариваться с лидером одной из самых сильных военизированных монгольских группировок во Внутренней Монголии Бабучжабом об операциях по разрыву русских коммуникаций в Маньчжурии, т.е. КВЖД. Во время Русско-японской войны Бабучжаб сотрудничал с японскими войсками, и Паппенгейм надеялся на поддержку группировкой его действий против русских и на этот раз, однако расчёт оказался неверен. Бабучжаб справедливо полагал, что сотрудничество с Россией, последовательно поддерживавшей автономию Внешней Монголии в споре с Китаем, гораздо больше отвечало монгольским интересам, чем помощь Германии. В результате миссия Паппенгейма окончилась провалом — в начале апреля 1915 г. он и его группа были уничтожены людьми Бабучжаба, который удостоился специальной благодарности от русских властей, в т.ч. от Николая II [18; 21; 23]. Несомненно, данный инцидент способствовал усилению тревоги среди российских представителей в Маньчжурии, опасавшихся новой угрозы для КВЖД.

Подобные опасения были и у посольства России в Японии, которое поддерживало тесный контакт с японским МИД. Учитывая прочность японских позиций на северо-востоке Китая и более развитую агентурную сеть, сотрудничество с Токио было чрезвычайно важным для Петербурга. С февраля 1915 г. вовлечённость русских дипломатов в Японии в борьбу с немецкими интригами в Китае стала более интенсивной. 19 числа посол России Н.А. Малевский-Малевич писал Като Такааки: «В Мукдене есть банда китайцев... которая была нанята германским консульством в этом городе с целью разрушить» КВЖД. «Во главе этого заговора стоит немец Вильгельм Мур, который живёт в отеле «Ямато» в Дайрене. Эта банда имеет в своём распоряжении взрывчатые вещества, полученные для этих целей от германских властей». 25 февраля Като сообщил Малевскому-Малевичу, что, «собрав вместе» данные по этому вопросу, японская сторона пришла к выводу: сведения «о Муре и его интригах представляются не более, чем слухами, не имеющими под собой оснований». Тем не менее администрация Квантуна брала на себя обязательства продолжать следить за Муром [25; 28]. Таким образом, российскому послу в Токио, как и посланнику в Пекине, была вновь озвучена принципиальная позиция японских властей: германские интриги в Маньчжурии не представляют опасности для России.

После этого в заявлениях российских дипломатов японским коллегам стала проследиваться иная тенденция: говоря о действиях Германии в Китае, они подчёркивали их опасность для интересов не только России, но и Японии. Об этом свидетельствовали новые данные, поступившие оперативным путём. Так, 9 марта (24 февраля) 1915 г. в МИД из Урги была отправлена секретная телеграмма управляющего генеральным консульством в Монголии, согласно которой немецкие представители, прибывшие в ставку Бабучжаба, обещали монголам «большое жалованье и богатую добычу» и предложили «сформировать отряды по 30—40 человек в каждом», задачей которых были «порча полотна японской и русской железных дорог в Маньчжурии и ограбление поездов, занятых перевозкой орудий, снарядов и прочего в Россию». Похожее сообщение пришло и от русского консула в Хайларе [18; 21; 23]. Тогда о судьбе экспедиции Паппенгейма ещё не было достоверных сведений, и это крайне тревожило российских дипломатов в Китае и Японии. Так, 12 марта 1915 г. Крупенский в беседе с Хиоки сообщил о донесении консула в Хайларе об обнаружении в окрестностях города группы немцев на верблюдах, у которой изъяли взрывчатые вещества и визитку Паппенгейма. Российский посланник сделал вывод, что у Германии всё ещё имелись планы «каким-то образом» разрушить КВЖД и «разорвать сообщения между Россией и Востоком», при этом Крупенский специально подчеркнул: «цель данной группы [германцев] не только КВЖД, они также планируют и разрушение ЮМЖД». Очевидно, российские представители пытались подвигнуть Токио на более активное противодействие германскому влиянию в Китае, однако Хайлар находился вдалеке от японских железнодорожных линий,

поэтому вполне понятно, что дипломаты Японии отнеслись к предостережениям довольно критично. Сообщая в Токио 13 марта содержание беседы с Крупенским, Хиоки не преминул высказать сомнение относительно достоверности полученных сведений [46]. Однако в военном ведомстве Японии к информации отнеслись более внимательно.

2 апреля 1915 г. военный агент в Пекине Матида Кэйю направил начальнику Генштаба Хасэгава Ёсимити подробное сообщение, основанное на отчёте русского разведчика подполковника Бронского из Мукдена, о шпионской деятельности немцев в Китае. Документ, переданный Матидой военным агентом России в Пекине, был признан заслуживающим внимания и переведён на японский язык. В отчёте подробно говорилось о происках германцев в Китае, их планах вредить интересам Японии, Англии, России, США, способствовать ухудшению японо-китайских отношений и т.д. Японский военный агент предельно серьёзно воспринял сообщение российской стороны и не исключил, что это всё могло оказаться частью «большого заговора». Хотя Матида был уверен, что благодаря многочисленности японских военных и полицейских «подобные коварные замыслы, вероятно, закончатся ничем», он всё же предложил максимально усилить охрану железнодорожных мостов и других важных объектов. Вместе с тем в своих рассуждениях японский военный агент шёл гораздо дальше противодействия германским интригам, считая, что получение необходимых доказательств стало бы прекрасным поводом, чтобы «немедленно» выдворить германские диппредставительства из Китая, «искоренить влияние Германии», а также оно было бы «наилучшей причиной для получения новых позиций в Китае, если Япония и Россия решат [на]ступить дальше» в деле развития экспансии в этой стране [31]. Совместный раздел Китая уже прочно стал одним из главных базисов, на котором зиждилось сотрудничество двух империй. Японские военные активно поддерживали данную линию, чем и было обусловлено внимательное отношение военного агента в Пекине к информации от российских коллег.

Документ, на который ссылался Матида, заслуживает отдельного внимания. Очевидно, он отражал официальную позицию Петербурга касательно германского влияния в Китае и показывал, насколько серьёзно Россия относилась к данной проблеме, считая её действительной угрозой для военных коммуникаций и дальневосточных границ.

По информации российских военных, Германия создала в Маньчжурии военную организацию («Хозйдан», 保衛團) с центром в Мукдене, главными задачами которой были «объединение китайского народа» и «изгнание Японии и России из Маньчжурии», однако основной акцент делался на необходимости «нанести максимально возможный ущерб» России. Приказы главе организации якобы должны были выдаваться непосредственно германской миссией в Пекине. Основной сферой деятельности становился северо-восток Китая: предлагалось отправить агентов в разные регионы Маньчжурии, Внутренней и Внешней Монголии, чтобы препятствовать торговле с Россией и вывозу туда скота и зерно-

вых, а также способствовать росту недовольства среди монголов по отношению к России. Планировалось привлечь к этим действиям (отправив в район Хулун-Буира) бывшего преподавателя монгольской языковой школы в Мукдене китайца Чжана, а также бывших учеников этой школы по фамилии Ли и Ван. Согласно данным российских военных, немцы также хотели договориться с хунхузами об организации диверсий [31]³.

Последний пункт, а именно возможность нападения на российскую территорию из Китая при помощи хунхузов, очень тревожил приамурские власти. Кроме этого, определённые опасения, которые нельзя назвать совершенно беспочвенными⁴, внушали и возможные связи хунхузов с китайскими военными кругами. Положение осложнялось тем, что в феврале 1915 г. вышел приказ Верховного Главнокомандующего об отправке частей Заамурского округа пограничной стражи на фронт. В действующую армию были откомандированы 6 пехотных полков двухбатальонного состава, 6 конных полков пятисотенного состава с пулемётными командами, артиллерийские части и сапёрная рота, в результате чего в составе Заамурского округа на территории Китая остались 3 пехотных батальона и 6 кавалерийских сотен. В августе — сентябре 1915 г. ухудшающееся положение на фронтах привело к ещё одной мобилизации на КВЖД,

³ В документе подробно прописывались мероприятия, направленные на ослабление военного потенциала России на Дальнем Востоке. Кроме того, он изобилует именами подозреваемых в работе на организацию (прежде всего китайских подданных); приводились списки агентов с указанием национальности, места рождения, а также предполагаемых заданий. Многие из упоминаемых в документе должны были заниматься сбором военной информации по России и Японии, некоторых предлагалось направить для покушений на чиновников на российской территории, другим вменялись обязанности чинить препятствия в военной сфере, организовывать взрывы железнодорожных мостов на реках и т.д. Фигурировало также предложение отправить китайских агентов из провинции Шаньдун для подготовки диверсий со взрывчаткой в порту, исключительная важность которого для снабжения воюющей России подчёркивалась особо (см. [31]).

⁴ Так, 15 (2) сентября 1915 г. от генконсула в Харбине В.В. Траутшольда поступило сообщение о нападении на русский пост китайских солдат совместно с хунхузами. В телеграмме говорилось: «Полицейский надзиратель Вербич с нарядом полиции при содействии поста на 27-й версте ветки Силян (скорее всего, имелся в виду город Цзилян. — *Я.Ш.*) оцепил посёлок на лесной концессии Сидельского ввиду сведений о находившихся там хунхузах. Внезапно китайские солдаты 91-го полка открыли огонь по наряду», причём «вместе с солдатами стреляли какие-то китайцы, по-видимому, хунхузы». В результате «происходившей суматохи китайские солдаты связали 3 дружинников и 1 полицейского, которых увели в свою казарму». После этого и.д. начальника Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи генерал Н.П. Переверзев «приказал выслать команду соответственной силы для немедленного освобождения нижних чинов» и ареста китайских солдат, причём было предписано «в случае надобности действовать силой оружия». В конечном итоге арестованные были освобождены, однако сложить оружие китайские солдаты отказались и вступили в перестрелку с русскими. После краткого боя «китайская команда разбежалась по сопкам». В результате инцидента российская сторона потеряла убитыми 3-х солдат, 5 нижних чинов и 2 офицера были ранены и контужены; китайцы потеряли 5 чел., число раненых осталось неизвестным (см. [9]).

после чего в округе осталось лишь 6 сотен. В связи со снижением боевого потенциала войск ПВО российским властям пришлось организовать ополченческие дружины, чтобы как-то компенсировать резкое сокращение числа боеспособных соединений, однако в ополчении были задействованы лица, годные только к нестроевой службе [2]. Таким образом, зависимость безопасности дальневосточной окраины России от Японии усиливалась, а градус напряжённости в донесениях российских военных и дипломатов о германских интригах в Китае повышался.

Представители России в Пекине, Харбине, Хайларе, Токио, а также администрация Приамурского края с опасением относились к любым сообщениям об активности немецких агентов в Маньчжурии. Помимо опасности диверсий на КВЖД и нападений хунхузов не менее тревожными для российской стороны были сведения о попытках германской разведки распространить своё влияние среди китайского и корейского населения на Дальнем Востоке в целом. Китайские рабочие в Приамурье трудились в самых разных сферах экономики региона, в т.ч. на стратегических объектах⁵, поэтому беспокойство местных властей относительно информации о возможном использовании Германией в своих целях «жёлтого» населения края вполне понятно.

Весной 1915 г. информация о немецких шпионах в Китае фигурировала в донесениях практически всех военных структур как на местах, так и в столице России. 8 апреля (26 марта) командующий Сибирской флотилией вице-адмирал М.Ф. Шульц передал в Морской Генеральный штаб (МГШ) сведения от помощника военного агента в Китае о германской организации, ставившей целью нанесение ущерба России посредством пропаганды в Маньчжурии, Сибири и Приамурье, а также диверсий на коммуникациях и взрывов сооружений. Подобная информация поступала в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) [20]. Очевидно, речь шла о том самом военном докладе, который был составлен российским разведчиком в Мукдене Бронским.

Вместе с тем усиление весной 1915 г. алармистской риторики относительно германского шпионажа имело гораздо более глубокие корни, чем слухи о происках немецких агентов в Китае. С начала года русскую армию на германском фронте преследовали неудачи. В конце января 1915 г. 10-я армия под командованием генерала Ф.В. Сиверса потерпела тяжёлое поражение в Восточной Пруссии, а 20-й армейский корпус был почти полностью уничтожен. В этих условиях часть военно-политической элиты страны, в первую очередь Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич и начальник штаба ставки генерал Н.Н. Янушкевич, старалась объяснить серию поражений изменой и предательством, для чего было инспирировано спешно составленное дело полковника С.Н. Мясоедова, бездоказательно казнённого в марте 1915 г. по подозрению в шпионаже. Впоследствии оно было использовано политически-

⁵ К примеру, на территории Владивостокского порта (см. [17]).

ми противниками военного министра В.А. Сухомлинова как из партийных кругов (лидер «октябристов» А.И. Гучков), так и из числа военных (Николай Николаевич, Янушкевич, а также товарищ военного министра А.А. Поливанов), в результате чего последние ушли от обвинений в провале кампании 1915 г., а Сухомлинова сместили с поста министра летом того же года и позднее арестовали [19; 22]. Дело Мясоедова послужило стимулом для распространения в российском обществе шпиономании, приведшей даже к немецким погромам [1]. В этой связи неудивительно, что с весны 1915 г. на Дальнем Востоке увеличилось количество донесений о шпионаже, заметно усилились тревожные нотки, содержащиеся в них.

В апреле 1915 г. в Токио стали проявлять повышенное внимание к проблеме германских интриг в Китае и более внимательно относиться к мнению российской стороны. Этому способствовали новые данные, полученные оперативным путём компетентными органами Японии. 12 апреля генконсул в Мукдене Отиаи Кэнтаро направил Като Такааки телеграмму, в которой, ссылаясь на Квантунское генерал-губернаторство, сообщал: «...согласно информации [японской] полиции, „Хоэйдан“ существует, и.д. германского консула в Мукдене Витте осуществляет командование» этой организацией. Также упоминалось, что Витте ездил в Пекин, предположительно для получения финансирования «Хоэйдан». В документе Квантунского генерал-губернаторства, приложенном к донесению, указывалось, что Витте выехал 9 апреля из Мукдена в германскую миссию в Пекине с суммой в 400 000 немецких марок, которая предназначалась для выплаты членам «Хоэйдан», а её активисты «направились на места службы», чтобы разведать цели для будущих диверсий. Среди членов организации упоминался кореец Ли, хорошо говоривший по-русски и по-японски, который ездил по заданию немца Шепеля (Shepel) в целях получения секретной информации в отношении России и Японии. В докладе о «Хоэйдан» из японского консульства в Телине от 22 апреля 1915 г. говорилось о дислокации и численности хунхузов — в некоторых отрядах было 230—500 чел., но фигурировали и цифры в 3000 чел. Среди имён главарей отрядов большинство составляли китайские и корейские фамилии. Подчёркивалось, что указанные лица имели планы согласованных действий с «Хоэйдан», «планировавшей какие-то интриги»; также упоминалось о связи некоторых главарей с германским подданным по фамилии Шалер (Schaler), проживавшим в Маньчжурии [38 и др.].

Подобная информация заставила насторожиться руководство внешнеполитического ведомства Японии. 30 апреля Като Такааки направил телеграмму в адрес Хиоки и Отиаи, а затем — общее послание японским консулам в Харбине, Чанчуне, Телине и Ляонине. Глава МИД говорил, что об организации «Хоэйдан», которая ставила целью разрушение русских и японских железных дорог и «причинение иного ущерба», собрано множество сведений по линии армии и ЮМЖД, в связи с чем просил уделить этому вопросу отдельное внимание [27]. Очевидно, японские власти решили всерьёз взяться за решение данной проблемы, и результаты

не заставили себя долго ждать. Уже 2 мая глава японской полиции в Мукдене писал в докладе, что «Хоэйдан» стала привлекать внимание компетентных органов Японии и Китая, в результате планы организации «потерпели неудачу», а активисты вынуждены были уехать в Пекин, Тяньцзинь и на север Маньчжурии. 9 мая японский консул в Мукдене в телеграмме для Като Такааки подчёркивал степень взаимодействия с российскими представителями, высокий уровень обмена информацией, в т.ч. с использованием данных от тайных агентов. Теперь японская сторона более серьёзно относилась к возможности существования «большого заговора», в центре которого могла стоять фигура германского дипломата Витте. В рамках расследования были задействованы все возможные ресурсы, в т.ч. ЮМЖД, отряды жандармов, тайная агентура в регионе. Русское и японское консульства в Мукдене активно контактировали, постоянно обмениваясь информацией. В архиве МИД Японии сохранились документы на русском языке, написанные на бланках японского консульства в Мукдене и целиком посвящённые предполагаемой немецкой шпионской сети. Русские источники подробно расписывали структуру организации, цели и задачи, состав, зарплату её членов и пр. Японские официальные лица решили продолжать следить за подозрительными лицами, особенно иностранцами. Вместе с тем со временем японские представители в Китае вновь стали критично относиться к подозрениям российской стороны. Особенно скептическую позицию занимал глава японской миссии Хиоки. 27 июля к нему пришёл посланник России в Пекине и доложил новые сведения о Витте, который якобы проводил набор среди китайцев в Мукдене для подрыва Транссибирской магистрали. Сообщая о содержании этой беседы генконсулу в Мукдене, Хиоки счёл нужным заметить: «Я верю, что это не более, чем известные слухи в русском стиле... не имеющие под собой никаких оснований» [39; 48 и др.].

Очевидно, подобные настроения входили в противоречие с ожиданиями Петербурга, рассчитывавшего на более энергичную позицию Токио. 2 августа 1915 г. посол Малевский-Малевич направил в МИД Японии меморандум, в котором выражалась обеспокоенность деятельностью Германии после начала войны в сфере отчуждения КВЖД и ЮМЖД в Маньчжурии, а также отмечалось создание китайцами в сотрудничестве с немцами секретной организации в Мукдене. Формулировки документа местами носили довольно жёсткий характер: «Российская сторона полагает, что данные факты известны японским официальным органам», обращая внимание, что «действия германской стороны в пределах японской сферы интересов (подчёркнуто мной. — *Я.Ш.*)» в Маньчжурии угрожали КВЖД и представляли «крайне реальную угрозу» для России. В связи с этим российский МИД призывал японское правительство обратиться на данную проблему самое пристальное внимание и принять надлежащие меры. Русский посол просил Като дать соответствующие инструкции японской миссии в Пекине, чтобы её сотрудники сообщили о предполагаемых действиях российской стороне [34]. Петербург недву-

смысленно требовал от Токио солидарности со своей позицией, а также принятия решительных мер по данному вопросу.

Подобный настрой российских дипломатов заставил Японию настроиться. К этому времени сотрудничество обеих империй по многим параметрам выходило на новый уровень. В первом полугодии 1915 г. начались крупные поставки японских винтовок, патронов, сапёрных инструментов для нужд русской армии. Летом было принято решение об отправке российского сырья на японские военные заводы для выполнения новых военных заказов для России. В японском МИД рассчитывали, что предоставление военной помощи Петербургу обеспечит его поддержку в деле дальнейшей экспансии в Китае и поможет решить вопрос о передаче Японии части КВЖД от Куанченцзы до р. Сунгари [35]. Японские представители в российской столице отсылали в Токио прояпонские статьи, выходившие в ведущих русских газетах: «Новое время», «Утро России» и др. Так, последняя в номере от 16 (3) июля 1915 г. в качестве основы сближения двух стран выделяла «взаимные политические выгоды от справедливого разграничения сфер влияния» на Дальнем Востоке [36]. Увеличение подобных публикаций являлось благоприятным фоном для дальнейшего развития двустороннего сотрудничества. В этой связи озабоченность России относительно позиции Японии в деле противодействия германскому влиянию в Китае могла негативно повлиять на развитие контактов двух империй, поэтому глава японского МИД оперативно отреагировал на ноту Петербурга. Уже на следующий день, 3 августа, японский посланник в китайской столице получил из Токио новые инструкции, допускавшие в т.ч. принятие совместных с Россией действий против немецких представителей [26].

Последнее было особенно важно для российской миссии в Пекине. В разговоре с Хиоки Крупенский говорил, что Россия «прежде всего» хочет «изгнать» германского вице-консула из Мукдена, приводя в пример успешное удаление консула Германии из Харбина. Японский посланник серьёзно воспринял сообщение из Токио. После отставки Като Такааки 10 августа 1915 г. Хиоки направил премьер-министру Окума Сигэнобу несколько донесений подряд, в которых хотя и говорил, что в разговорах русских представителей «каких-то особо напряжённых обстоятельств нет», но тем не менее выражал полную готовность поддержать меры против немецких представителей, что «изгнание Витте... не является проблемой» — японский и русский посланники готовы в этом случае «принять совместные действия», а консулы обеих стран в Мукдене «наблюдают за действиями германской стороны». Хиоки отмечал высокий уровень контактов с Крупенским и в целом считал «отношения с русским посланником... чрезвычайно хорошими» [47].

Российское посольство в Токио продолжало активно заниматься вопросом германских представителей в Китае. 27 августа Малевский-Малевич написал премьер-министру Окума об абсолютной уверенности русских дипломатов в том, что действия Витте представляют собой «опасный

элемент» для КВЖД, прося оценить беспокойство российской стороны за основной транспортный канал, связывавший империю с дальневосточной окраиной, по которому также шёл поток вооружений и амуниции (в т.ч. из Японии) для европейской России, и предложил принять меры по выдворению германских консульских агентов из Южной Маньчжурии. Одним из источников информации для российской стороны был консул США в Харбине, ссылаясь на которого Малевский утверждал, что «опасность от деятельности Витте для КВЖД гораздо серьёзнее, чем можно предполагать», а также упоминал о сборах немцами данных об иностранных войсках в Маньчжурии, деятельности других подозрительных лиц немецкой национальности — купца Карла Рейделя (Karl Riedel) и медика Леймана (Leiman) [29; 32].

Японское правительство вновь поручило своим представителям в Маньчжурии разобраться с полученными сведениями. Доклады поступили из Харбина, Мукдена, Гирина и Квантунского генерал-губернаторства, и 21 сентября замминистра Мацуи представил результаты проверки российскому послу. Как и ранее, японские дипломаты и военные не смогли подтвердить ряд сведений. Касательно отправки китайцев из Мукдена для шпионской деятельности японский консул заявил, что какой-либо конкретной организации, требующей особого внимания, на территории вверенного ему округа не обнаружено. О коммерсанте Карле Рейделе и медике Леймане, за которыми японские власти следили с зимы 1914—1915 гг., имелись подробные сведения, однако по ним тоже нельзя было однозначно утверждать о причастности указанных лиц к шпионажу. Так, согласно данным японской стороны, «немецкий врач Лейман... прибыл в Гирин со стороны Тяньцзиня, чтобы лечить немецких и австрийских заключённых, страдающих от обморожения» и других болезней и содержащихся в г. Енчи (Яньци) в провинции Цзилинь, в апреле 1915 г. врач отправился в этот город с четырьмя китайцами и немцем Карлом Рейделем. 30 июня они вернулись и привезли с собой в Гирин двух австрийских пленных, с которыми Лейман отбыл в июле в Пекин через Мукден. До войны Рейдель занимался торговлей в Харбине, но потом уехал в Гирин, а Леймана сопровождал в качестве переводчика. Японский консул в Гирине указывал, что с начала войны они внимательно следили за Рейделем, однако никаких «подозрительных действий» не обнаружилось [33; 40; 44].

Доклад генконсула в Харбине Сато Наотакэ⁶ по этому вопросу заслуживает отдельного упоминания. Японский дипломат указывал, что сведения от американского консула в Харбине российская сторона получила ещё в июле, после чего Сато «немедленно» вошёл в сношения с русскими представителями, докладывая об обстановке посланнику России в Пекине. Вместе с тем в конце августа Наотакэ вновь посетил главу русской миссии и выяснил, что информация относительно Витте оказалась «преувеличенной»; то же самое ему сказал подполковник Бронский, ранее

⁶ Крупнейший японский дипломат, в 1925 г. был поверенным в делах в СССР, в 1937 г. — главой МИД, в 1942—1945 гг. — послом в СССР.

вплотную занимавшийся этим вопросом, в связи с чем японский дипломат «весьма успокоился». Сато отмечал нервозность российской стороны. По его мнению, Малевский-Малевиц «чересчур беспокоится», т.к. «чрезмерно поверил донесениям русского генконсула из Харбина», ссылавшегося на американского коллегу, хотя консул США в Харбине уже успел заявить об отсутствии информации о деятельности Витте в последнее время, и если там «и были какие планы, то, похоже, все они закончились неудачей» [42].

Таким образом, практически ни одно из сведений, предоставленных российской стороной, так и не стало достаточным основанием для нахождения или ареста немецких шпионов. Неопровержимых доказательств активной деятельности германской разведки в Китае также было крайне мало, наиболее серьёзными из них оказались только сведения о Паппенгейме. Необходимо заметить, что, несмотря на скептический настрой (особенно руководства миссии Японии в Пекине), японские дипломаты и военные в Китае в целом внимательно относились к просьбам русских представителей о помощи в проверке информации о германских интригах, слухи о которых продолжали поступать.

Осенью 1915 г. МИД Японии собрал воедино множество сведений, запрошенных ранее российской стороной, и 4 ноября отослал большое донесение на имя Малевского-Малевица, составленное на основании конфиденциальных докладов японских официальных представителей в Маньчжурии. В русское посольство документ представил новый замминистра иностранных дел Сидэхара Кидзюро, впоследствии возглавивший японское внешнеполитическое ведомство в 1920-х гг. В докладе перечислялись подозрительные лица, проживавшие в регионе, однако подчёркивалось, что все их передвижения и действия находятся под пристальным вниманием японских властей. Так, МИД упоминал о некоем немце, проживавшем на территории, прилегавшей к железной дороге в Чанчуне. В своё время этот человек получил по почте сумму в 300 или 400 иен от неизвестного отправителя и поддерживал контакты с Бракенхофтом (Brackenhof), хозяином торгового дома «Та-фэн Ян Хан» (“Ta-feng Yang Hang”) в Чанчуне, в отделении которого в Гирине жил Карл Рейдель. Это предприятие вызывало много вопросов у японских властей, т.к. с ним было связано множество подозрительных лиц, однако японский дипломат подчёркивал, что они «всегда находятся под наблюдением».

Подозрение японцев вызвали два немца, которые отправились 9 октября 1915 г. из Чанчуна в Мукден на поезде. «Остановившись в доме управляющего немецким консульством в Мукдене Витте, они отправились на следующее утро в Пекин». Согласно секретной информации, добытой японской полицией через переводчика, эти двое были бывшими германскими офицерами, бежавшими из Циндао после открытия военных действий. Они нашли убежище в Тяньцзине и занялись военной разведкой, а позже отправились в Харбин, чтобы собрать информацию о русской армии и секретных поставках боеприпасов, проходивших через город.

Нашлось в докладе место и данным от российской стороны, на которые, в частности, опиралось Квантунское генерал-губернаторство. Так, в русских источниках торговый дом «Та-фэн Ян Хан» фигурировал в качестве убежища германских шпионов. Указывалось, что немцы организовали его филиал в Тяньцзине, наняв большое число китайцев, а хозяином офиса стал американский гражданин немецкой национальности Хью Ганн (Hugh Gunn). Более десятка китайцев по приказу немцев якобы наблюдали за передвижениями русских подданных, главным образом, военных, а также отправлялись время от времени в Харбин и его окрестности «выполнять тайные приказы». Администрация Квантунской области информировала об именах китайцев, находившихся на немецкой службе в Тяньцзине, которые по очереди посещали Мукден и якобы контактировали с Витте [43]. Как видно из материалов японских архивов, Квантунское генерал-губернаторство в гораздо большей степени доверительно, чем японские дипломаты, относилось к сведениям, поступавшим от русских. В то же время, довольно осторожное отношение представителей Японии к информации от российских коллег было обусловлено тем, что значительная часть данных либо не подтверждалась, либо не оказывалась в той степени тревожной, как на то указывали русские дипломаты.

Данный доклад де-факто получился заключительным в деле о русско-японских переговорах по противодействию возможным диверсиям на КВЖД и германскому шпионажу в Китае. Японские компетентные органы предоставили максимум информации, которая могла бы заинтересовать российскую сторону, одновременно показав, что они держат под контролем большую часть угроз. Это было сигналом, что Россия могла положиться на Японию как на свою союзницу. Отсылая 5 ноября ответное письмо Сидэхара, Малевский-Малевиц писал: «Получив Ваше письмо от 4 ноября по поводу действия немцев в Маньчжурии, спешу выразить искреннюю признательность Вам за эти сообщения, которые не премину передать заинтересованным русским властям» [30]. И хотя вплоть до начала декабря 1915 г. посол в России Мотоно Итиро и глава МИД Исии Кикудзиро обменивались телеграммами по поводу германских интриг против КВЖД, в них неизменно цитировались письма Сидэхара и Малевского-Малевица от начала ноября. Фактически на официальном уровне между Россией и Японией эта проблема была закрыта.

Данный вопрос имел чрезвычайно важное значение с точки зрения как обеспечения обороноспособности границ дальневосточной окраины Российской империи, так и развития российско-японских отношений в целом. Очевидно, что с падением Циндао и уничтожением германской эскадры на Тихом океане опасность организации диверсий на КВЖД и нападений хунхузов превратилась в главную военную угрозу России на Дальнем Востоке. Прекращение сообщений по единственной транспортной артерии, связывавшей Приамурье с европейской частью страны, по которой шёл колоссальный объём грузов, в т.ч. военных, могло иметь катастрофические последствия для снабжения действующей ар-

мии. Как уже упоминалось выше, после вступления Турции и Болгарии в войну Владивосток остался практически единственным морским портом России, по которому могло идти снабжение от союзников. В то же время, в условиях, когда значительное число боеспособных частей ПВО было отправлено на европейский фронт, дальневосточные военные всерьёз опасались нападений на приграничные территории банд хунхузов под руководством немецких инструкторов, а также удара «с тыла» — брожения среди азиатского населения Приамурья. В действительности, инцидент с Паппенгеймом стал первой и последней попыткой Германии организовать диверсии против КВЖД, и после провала этого предприятия немецкие агенты так и не смогли осуществить какие-либо серьёзные провокации в регионе. Вместе с тем ощущение опасности оказало огромное влияние на настроения российских представителей не только в Китае, но и в других странах и регионах, включая Японию и Приамурский край. Военные и дипломаты очень подозрительно относились к любым (даже не до конца проверенным) сведениям о немецких шпионах, что способствовало не только педалированию тревожной риторики в переписке с союзниками, но и всплеску шпиономании на территории дальневосточной окраины России, где из-за подозрений в шпионской деятельности в пользу Германии были арестованы видные члены корейской общины, в т.ч. такие пророссийски настроенные, как П.С. Цой (Чхве Джэхён) [13; 16].

В то же время дело о предотвращении диверсий и противодействии германским интригам в Китае стало своего рода проверкой русско-японского сотрудничества. Япония обладала в Маньчжурии разветвлённой сетью консульских агентов, на территории многих дипломатических учреждений находились военные и полицейские сотрудники, в её распоряжении были штат Квантунского генерал-губернаторства и администрации ЮМЖД с аналитическим отделом, а также внушительное число осведомителей, имевших связи с местным населением. Очевидно, что именно в силу этих причин российские власти решили обратиться к японскому правительству за содействием в деле обеспечения безопасности границ дальневосточной окраины России и железнодорожных коммуникаций в Маньчжурии. Без помощи Японии проверить действительность сведений об опасности, а также о потенциальных возможностях Германии в организации каких-либо антироссийских акций в Китае было бы крайне затруднительно. Япония с готовностью откликнулась и приложила максимум усилий для проверки предоставленных сведений, продемонстрировав способность контролировать ситуацию на северо-востоке Китая, в т.ч. и в интересах России. Тем самым Токио фактически предоставил своего рода гарантии безопасности русского Дальнего Востока от германских интриг и возможных осложнений с Китаем.

Как известно, 3 июля (21 июня) 1916 г. Россия и Япония подписали соглашение, носившее характер союзного договора и предусматривавшее принятие совместных мер, включая вооружённую помощь, для защиты интересов сторон в регионе [6, с. 191—192]. Данный документ стал

высшей точкой развития российско-японских отношений, а взаимодействие дипломатов и военных России и Японии в деле борьбы с немецким шпионажем и противодействия германским интригам в Китае стало, наряду с масштабными поставками оружия, боеприпасов и обмундирования, одним из ярких примеров сотрудничества между двумя странами во время Первой мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

На русском языке

1. Айрапетов О.Р. Немецкий погром в Москве в июне 1915 г. в контексте боёв на внешнем и внутреннем фронте // Русский сборник. Т. 8. 2010. С. 112—144.
2. Вишняков О.В. Деятельность охранной стражи КВЖД и Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи по защите государственных интересов России на Дальнем Востоке: 1897—1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2006. 248 с.
3. Гондатти Н.Л. — Горемыкину И.Л. 13 декабря (30 ноября) 1915 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 92. Л. 23.
4. Гондатти Н.Л. — Малевскому-Малевичу Н.А. 15 (2) августа 1914 г. // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 950. Л. 27.
5. Гондатти Н.Л. — Шульцу М.Ф. 13 августа (31 июля) 1914 г. // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 950. Л. 12.
6. Grimm Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М.: Институт Востоковедения, 1927. 218 с.
7. Доклады капитана Арсеньева В.К. 1912—1913 гг. // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 747. Л. 223—229.
8. Донесение военного губернатора Приморской области генерал-лейтенанта Сташевского А.Д. Владивосток, август 1914 г. // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 950. Л. 9.
9. Донесение генконсула в Харбине В.В. Траутшольда. 15 (2) сент. 1915 г. // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3899. Л. 52.
10. И.д. начальника штаба ПВО — Правителю канцелярии Приамурского генерал-губернатора. 7 марта (22 февр.) 1915 г. // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 864. Л. 4.
11. И.д. начальника штаба ПВО — Правителю канцелярии Приамурского генерал-губернатора. 28 (15) июля 1915 г. // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 864. Л. 6.
12. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск: ХГПУ, 1999. 366 с.
13. Начальник Отдельного корпуса жандармов Немыский — ротмистру Отдельного корпуса жандармов Посникову. Хабаровск, 5 авг. (23 июля) 1916 г. // ГАХК. Ф. И-16. Оп. 6. Д. 2. Л. 142—143 об.
14. Начальник штаба Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи — военному губернатору Приморской области. Владивосток, 17 (4) июля 1912 г. // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 747. Л. 83.
15. Пограничный комиссар полковник Кузьмин — Правителю канцелярии Приамурского генерал-губернатора. 3 авг. (21 июля) 1915 г. // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 864. Л. 11.
16. Постановление ротмистра Отдельного корпуса жандармов Посникова. 8 авг. (26 июля) 1916 г. // ГАХК. Ф. И-16. Оп. 6. Д. 2. Л. 146.
17. Русин А.И. — [в] Главное Морское хозяйственное управление. 6 окт. (23 сент.) 1914 г. // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1104. Л. 120.
18. Сергеев Е.Ю. Провал секретной миссии Вернера Рабе фон Паппенгейма (неизвестная страница истории тайной войны германской агентуры на Дальнем Вос-

токе) // RUSASWW1.RU: образовательный портал «Российская ассоциация историков Первой мировой войны». URL: http://rusasww1.ru/view_post.php?id=198 (дата обращения: 17.04.2013).

19. Шацилло К.Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. № 2. 1967. С. 103—116.
20. Шульц М.Ф. — [в] Морской генеральный штаб (МГШ). 8 апр. (26 марта) 1915 г. // РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3903. Л. 9.

На английском языке

21. Nakami Tatsuo. Babujar and His Uprising: Re-examining the Inner Mongol Struggle for Independence // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko (The Oriental Library). No. 57 (1999). P. 137—153.
22. Fuller William C. The Foe Within: Fantasies of Treason And the End of Imperial Russia. Cornell University Press, 2006. 304 p.

На японском языке

23. Наками Тацуо. «Манмо: докурицу ундо:» тою: кёко: то соно дзицудзо = Выдумка о «Движении за независимость Маньчжурии и Монголии» и его реальный облик // Киндай нихон кэнкю = Исследования по истории Японии нового времени. Т. 28. 2011. С. 73—106.
24. Ёсида Сигэру — Като Такааки, 26 дек. 1914 г. Нихон гайко: сирё:кан = Архив внешней политики Японии (АВПЯ). Токио. Ф. 5.2.2.54. Осю: сэнсо: но сай до-кукоудзин но то:син тэцудо: хакай кэйкаку иккэн = Материалы о планах германцев по разрушению КВЖД во время Европейской войны.
25. Като Такааки — Малевскому-Малевичу Н.А., 25 февр. 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
26. Като Такааки — Хиоки Эки, 3 авг. 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
27. Като Такааки — Хиоки Эки, Отиаи Кэнтаро, консулам в Харбине, Чанчуне, Телине и Ляонине, 30 апр. 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
28. Малевский-Малевич Н.А. — Като Такааки, 19 февр. 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
29. Малевский-Малевич Н.А. — Окума Сигэнобу, 27 авг. и 1 сент. 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
30. Малевский-Малевич Н.А. — Сидэхара Кидзюро, 5 ноября 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
31. Матида Кэйю — Хасэгава Ёсимити, 2 апр. 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
32. Мацуи Кэйдзиро — Малевскому-Малевичу Н.А., 28 авг. 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
33. Мацуи Кэйдзиро — Малевскому-Малевичу Н.А., 21 сент. 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
34. Меморандум российского посольства в Токио, 2 авг. 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
35. Мотоно Итиро — Като Такааки. 30 мая 1915 г. // Нихон гайко: бунсё = Документы внешней политики Японии. 1915 г. Т. 3. Ч. 2. Токио: МИД, 1968. С. 1015—1917.
36. Мотоно Итиро — Като Такааки, июль 1915 г. АВПЯ. Ф. 1.1.4.1—2. Тэйкоку сёгай-коку гайко: канкэй дзассан, рококу но бу = Материалы о дипломатических отношениях империи с зарубежными странами, отдел России.
37. Накамура Сатору — Като Такааки, 11 февр. 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
38. Отиаи Кэнтаро — Като Такааки, 12 апр. 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
39. Отиаи Кэнтаро — Като Такааки, 9 мая 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
40. Отиаи Кэнтаро — Окума Сигэнобу, 12 и 15 сент. 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
41. Сако Сюити — Хиоки Эки, 12 янв. 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
42. Сато Наотакэ — Окума Сигэнобу, 12 сент. 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
43. Сидэхара Кидзюро — Н.А. Малевскому-Малевичу, 4 нояб. 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
44. Сирани Такэси — Мацуи Кэйдзиро, 11 сент. 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
45. Хиоки Эки — Като Такааки. 25 дек. 1914 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
46. Хиоки Эки — Като Такааки, 13 марта 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
47. Хиоки Эки — Като Такааки, 13 и 15 авг. 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
48. Хиоки Эки — Отиаи Кэнтаро, 27 июля 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.
49. Ямаути Сиро — Хиоки Эки, 16 янв. 1915 г. // АВПЯ. Ф. 5.2.2.54.